

Scan, OCR, SpellCheck: Carina, 2009г

Кис-кис.

I.

- Через пять минут начало... Божественная, готовы?

- Ладно, проваливайте.

- Серьезно - начало.

- Ну, так и начинайте...

- Так вы же во втором явлении.

- Ну, во втором...

- Так, как же?

- А пойдите вы к черту! Даша, щипцы!

И выхватив из рук расторопной горничной накаленные щипцы, хорошенькая "премьерша" провинциальной драматической труппы принялась немилосердно палить густую белокурую челку.

Елена Александровна, можно? - раздалось за дверью.

- Вы, Томилин? - встрепенулась она.

- Я.

- И я, Кузьмин, - прибавил другой голос.

- Ну, тогда нельзя!

- Да почему же, божественная?

- Надоели.

- А Томилину можно? - ехидничал тот же голос за дверью.

- Как всегда.

- Вот погодите-ка, я Максеньке насплетничаю.

- Можете! Даша, карандаш! Да где же карандаш, черт возьми!

Даша засуетилась, ища карандаш, а хорошенькая "премьерша", полуодетая, в нарядной нижней юбочке и батистовой распашонке для грима, проводила по губам едкой палочкой кровавого кармина.

В уборной, как и во всех уборных провинциальных театров, пахло духами, клеем и папиросами. Дешевенький ковер, превратившийся, за давностью времени, из голубого в зеленый, покрывал пол. В углу приютился туалет, обитый кисеей, с разбросанными по ней голубыми бантами. На туалете стояло овальное "собственное" зеркало, отражавшее хорошенькое и подвижное лицо хозяйки с лукаво-выскакивающими глазами.

Елена Александровна Танина, или просто "Кис-кис", как ее называли все окружающее за ее "кошачий" характер, отлично сознавала неотразимую силу этих глаз и безбожно пользовалась ими. Но сегодня ей было не до того. Сегодня чудесные глаза не играли...

Она злилась...

- Киска, можно? - послышался за дверью знакомый голос.

- Это ты? Входи, входи, голубчик, - говорила она, и в тоже время подправляла левую бровь, подчеркнутая несколько больше правой.

- Кис-кис, ты еще не готова!

И молодой, очень красивый, благодаря эффектному гриму и блестящим глазам актера, с развязностью близкого вошел в уборную.

- Максенька, милый!

Ловким, кошачьим движением она закинула ему руку на шею и, не стесняясь присутствия горничной, прильнула к нему, глядя на него снизу вверх своими искусно *подведенными* глазами.

Стоя она была еще эффектнее. Маленькая, хрупкая и изящная, как дорогая статуэтка, она походила больше на ребенка, нежели на тридцатилетнюю женщину, имевшую десятилетнего сына, где-то далеко на руках родственников. Впрочем, она не скрывала ни ребенка, ни возраста - напротив бравировала ими, сознавая свою силу и молодость.

- О, какая же ты прелесть сегодня! - вырвалось у актера.